

ВОСПОМИНАНІЯ О СПЕРАНСКОМЪ.

ОСЛѢ моего дѣда, умершаго въ 1851 году, ста четырехъ лѣтъ, остались любопытнѣйшіе «мемуары», названные имъ «меморіалами», которые я получилъ въ мое распоряженіе только недавно. Дѣдъ любилъ заносить въ тетрадь все, что считалъ интереснымъ и достойнымъ вниманія. По своему положенію, онъ занималъ очень важное мѣсто среди сибирскаго купеческаго мірка, имѣлъ званіе коммерціи совѣтника, ордена, нѣсколько золотыхъ медалей и пользовался правомъ ѣздить съ фореиторомъ и въ упряжкѣ имѣть ременные (а не веревочныя) постромки. Въ Петербургѣ дѣдъ бывалъ нѣсколько разъ, имѣлъ счастье представляться государямъ Александру Павловичу и Николаю Павловичу, былъ свидѣтелемъ войны 1812-го года, участвовалъ въ сибирскомъ ополченіи и удостоивался приглашенія, въ качествѣ представителя «именитаго купечества», на придворные балы. Многіе изъ сановниковъ тогдашняго времени были его искренними друзьями, особенно графъ Сперанскій, съ которымъ дѣдъ познакомился, когда Сперанскій жилъ въ Перми и не былъ «почитаемъ за государственнаго секретаря», т.-е. во время опалы и униженія. Дѣдъ постоянно навѣщалъ Сперанскаго, относился къ нему съ любовью и уваженіемъ и тѣмъ еще болѣе скрѣпилъ узы дружбы, связывавшія коммерціи совѣтника и государственнаго секретаря долгіе годы. Въ бытность Сперанскаго генераль-губернаторомъ Сибири, онъ часто. «запросто» заходилъ къ дѣду «посидѣть въ садикѣ» и попить душистаго, ароматнаго, настоящаго кяхтинскаго чайку. Въ «мемуарахъ»

дѣда очень подробно описаны эти задушевные бесѣды, и нѣкоторыя изъ нихъ записаны съ стенографической точностью.

«Пріѣзжалъ сегодня,—сказано въ мемуарахъ,—ко мнѣ Михайлъ Михайловичъ. Долго разговаривали о старообрядцахъ и раскольникахъ. Онъ (Сперанскій) хвалитъ ихъ и хочетъ покровительствовать. Трезвый и усердный, рачительный они народъ. Благочестіе свято блюдутъ и къ труду всякому способны. Онъ ихъ противъ другихъ много выше ставитъ и въ примѣръ даже приводитъ. Я ему говорю: «Михайлъ Михайловичъ, въ Сибири немало достойнѣйшихъ людей проживаютъ и вашей защиты требуютъ, только ихъ вы не видите, и до васъ ихъ не допускаютъ». А онъ низко такъ голову опустилъ и сказалъ: «Правду вы, Петръ Тимоѣевичъ, говорите, кругомъ меня стѣну превыше китайской соорудили и отъ народа меня скрываютъ».

Такихъ бесѣдъ въ мемуарахъ находится нѣсколько, и всѣ онѣ рисуютъ Сперанскаго съ самой лучшей стороны, какъ человѣка и какъ чуткаго администратора, желавшаго принести добро, пользу огромному краю, въ которомъ чиновничій произволъ и насиліе свили прочное гнѣздо. Сперанскому съ первыхъ дней его дѣятельности пришлось вступить въ упорную борьбу съ вредоносными элементами и создать новыя правила административной жизни въ Сибири. Въ мемуары по этому поводу внесено немало замѣтокъ, изъ которыхъ видно, какія нечеловѣческія усилія пришлось употреблять Сперанскому, чтобы нѣсколько разсѣять тьму и удушьящую атмосферу безправія и угнетенія слабыхъ сильными.

«Говорилъ мнѣ онъ, что предалъ суду и заключилъ въ острогъ кровопійцу Лоскутова (исправника) и его присныхъ. Не знаю, лучше ли будутъ новыя, устроятся ли они строгаго примѣра? Я отвѣчалъ ему, что трудно въ короткое время передѣлать то, что десятками годовъ создавалось, а унывать не слѣдуетъ, и на Бога надежду нужно имѣть.

«— Не унываю я, а своего безсилія боюсь. Кругомъ множество недоброжелателей, изверговъ, татей, убійцъ, а я одинъ, слабый по своему человѣчеству. Гдѣ я себѣ пособниковъ найду? Людей съ чистой душой, открытымъ сердцемъ не вижу.

«Успокоилъ и указалъ, что плоды уже видны, что дышать стало легче народу, и справедливость теперь можно найти и въ судахъ защиту отъ неправаго дѣда встрѣтить не въ рѣдкость. Онъ повеселѣлъ и точно пріободрился».

Интересный приведенъ въ запискахъ дѣда рассказъ Сперанскаго о видѣнномъ имъ снѣ.

«— Вижу я, что въ мой кабинетъ вошелъ какой-то высокій человѣкъ, съ длинной, сѣдой бородой и съ открытымъ лбомъ, какъ у государя (Александра Павловича). Я обернулся и спросилъ, будто бы, вошедшаго, кто онъ и что ему нужно. Но высокій чело-

вѣкъ ничего не отвѣчалъ, а только пристально смотрѣлъ на меня ясными, голубыми глазами. Смутился я, и въ мое сердце закрался страхъ. Вдругъ старикъ поманилъ меня къ себѣ, и я почувствовалъ, что ноги мои отдѣляются отъ земли, и я лечу невѣдомо куда. Передо мной равнина, покрытая блестящимъ снѣгомъ, и по ней нескончаемой вереницей тянутся люди. — Куда идете вы? — спрашиваю я идущихъ; они молчатъ и все продолжаютъ идти. Опять сдѣлалось мнѣ страшно, — страшно за людей; погибнуть всѣ; кругомъ снѣжная пустыня, и нигдѣ не видно челоувѣческаго жилья. Мнѣ захотѣлось спасти ихъ, указать имъ грозящую опасность, предупредить и вернуть назадъ. Но я не могъ сказать ни одного слова и только смотрѣлъ, какъ вдали исчезали толпы за толпами, какъ на смѣну скрывшихся являлись все новые люди, которые все шли и шли... Скрылась и равнина, и я увидалъ большой городъ. Въ этомъ городѣ не было живыхъ людей, а всюду лежали трупы и скелеты. Это былъ городъ мертвыхъ. Я почувствовалъ, какъ мое сердце усиленно стало биться, а потомъ замерло, и я сталъ умирать. И вижу я, что ко мнѣ склонился высокій старикъ, который прошепталъ только одно слово: «возроди». Я проснулся и долго размышлялъ надъ страннымъ сномъ».

Дѣдъ, записавъ рассказъ Сперанскаго очень подробно, говорить еще, что ему не разъ приходилось слышать отъ Сперанскаго и комментаріи къ этому сну весьма мистическаго характера, и, между прочимъ, Сперанскій указывалъ на то, что сонъ предвѣщалъ и сулилъ ему большія невзгоды и огорченія.

Любопытный эпизодъ изъ жизни Сперанскаго въ Сибири сообщаютъ тѣ же «меморіалы». Дѣло въ томъ, что Сперанскій любилъ прогуливаться по берегу рѣки Ангары и всегда эти прогулки совершалъ одинъ. Доходилъ онъ обыкновенно до поворота рѣки, садился на землю, снималъ свой знаменитый кожаный картузъ и, обнявъ колѣни руками, погружался въ задумчивость. Однажды Сперанскій пришелъ къ любимому мѣстечку нѣсколько раньше, чѣмъ всегда, и увидалъ, что оно уже занято какимъ-то старикомъ и дѣвочкой. Не желая спугивать ихъ, Сперанскій прошелъ немного дальше и остановился на берегу, у маленькаго домика, точно вросшаго въ землю. На скамейкѣ, поставленной у воротъ домика, сидѣлъ мальчикъ и игралъ съ собакой. Увидавъ незнакомаго челоувѣка, собака оцетинилась и стала ворчать; мальчикъ ее успокоивалъ, называя нѣжными именами. Сперанскій не испугался собаки, но подошелъ къ мальчику, ласково потрепалъ собаку, переставшую ворчать, и сѣлъ на скамью.

— Ты чей мальчикъ? — спросилъ Сперанскій.

— Ивана Петровича Лопухина сынъ, — отвѣчалъ, не смущаясь, мальчикъ.

— А кто твой отецъ?

— Учитель былъ, а теперь его нѣтъ, — умеръ онъ. Дѣдушка есть, онъ на берегу съ сестрой сидитъ. Дѣдушка нашъ слѣпой, его сестра водить.

— Домъ этотъ вашъ?

— Нашъ. Его дѣдушка купилъ. Раньше домъ былъ другой. Мама тоже у меня умерла.

Продолжая разговаривать съ мальчикомъ, «очень смышленнымъ и не по-дѣтски развитымъ», — какъ записано въ «меморіалахъ», — Сперанскій не замѣтилъ, какъ подошелъ старикъ съ дѣвочкой, очень удивившейся при видѣ незнакомаго человѣка, бесѣдующаго съ ея братомъ.

— Это кто? — шопотомъ спросила она у брата.

— Не знаю. Прохожій, должно быть.

— Нюта, я на скамеечкѣ посижу, а ты ступай и чайникъ разогрѣй, — проговорилъ слѣпой старикъ.

— Нельзя, дѣдушка, не садись, пойдемъ въ избу, на скамейкѣ Петя сидитъ и еще кто-то, незнакомый.

— Садитесь, садитесь, я ухожу, пора домой, — сказалъ, вставая, Сперанскій.

— Не спѣшите, сударь, время погожее, воздухъ легкій, теплый, грѣшно дома сидѣть въ такую пору. Посидите, сударь, очень прошу васъ. Я давно ни съ кѣмъ не говорилъ, дайте случай побесѣдовать.

Сперанскій молча помогъ слѣпому сѣсть и помѣстился рядомъ съ нимъ.

Дѣти и собака убѣжали въ домъ.

— Вы въ городѣ живете? — спросилъ старикъ Сперанскаго.

— Да, я живу въ городѣ.

— Служите гдѣ?

— Да, служу.

— Позвольте васъ спросить, скоро Сибирь отъ враговъ освободится?

— Отъ враговъ? отъ какихъ враговъ?

— Отъ угнетателей нашихъ, отъ тѣхъ, кто творитъ неправду. Я вотъ ослѣпъ отъ слезъ, а сынъ мой въ могилу сошелъ. А кто тому виною? Разорители наши. Сынъ мой служилъ учителемъ, хорошо служилъ, а потомъ его преслѣдовать стали, богатею, сильному человѣку, его домишко понадобился, ну, черезъ приказныхъ все и оттягали, всего лишили. Жена сына не выдержала, согубила одному изъ приказныхъ, начальнику ихнему, ее въ тюрьму уволокли, тамъ она и душу Богу отдала, а сынъ мой все правды хотѣлъ добиться, воевалъ, добро свое отдавать не хотѣлъ и тоже въ тюрьму попалъ, да тамъ четыре года томился, не выдержалъ, чахотку схватилъ и въ острожной больницѣ и умеръ. Хотѣли и меня, старика, притянуть, да Господь отвелъ руку злодѣевъ, мо-

литвы дѣтей дошли до Бога, и меня только выселили съ внуками и приказали начальство не беспокоить. Я смирился, собралъ крохи, которыя отъ погрома остались, купилъ избушку и живу съ внуками. Да, живу пока, а что дальше будетъ? Деньжонки выходятъ, работать не могу,—ослѣпъ я, да и годами старъ, а дѣтишки еще малы. Всей семьей погибнуть должны. Вотъ, сударь, про какихъ я враговъ спрашивалъ.

— Кто же вашъ домъ оттягалъ? Какъ его зовутъ? Скажите мнѣ,—глухо проговорилъ Сперанскій.

— Зачѣмъ вы, сударь, спрашиваете? Помочь намъ не поможете, а себѣ лишь врага наживете, — богатый и сильный онъ человѣкъ. Онъ въ ту пору только началъ силу забирать, а ужъ всѣми дѣлами ворочалъ, а теперь при новомъ генералъ-губернаторѣ находится. Могушественный человѣкъ. Лучше, сударь, и не допытывайтесь, а то, чего добраго, на себя большую бѣду накличете. Одно вамъ скажу, сударь, что хуже онъ Крылова, изволили, поди, слышать про этого кровопійцу? Такъ онъ хуже, — тотъ по озвѣрѣнію своему кровь проливалъ, а этотъ ради жадности, ради корысти, безвинныхъ людей морить и грабить. Да-съ, вотъ каковъ этотъ человѣкъ, а вы его имя знать хотите. Въ огражденіе васъ отъ злой напасти объ его имени умолчу, васъ подъ бѣду подводить не стану.

— Имя его, имя мнѣ нужно знать, — вскричалъ нервно Сперанскій.

— Не гнѣвайтесь, сударь, боязно мнѣ... какъ бы онъ и вамъ не навредилъ—сильный онъ человѣкъ, властный...

— Прощу васъ, скажите мнѣ его имя,—сказалъ Сперанскій.

Старикъ послѣ нѣкотораго колебанія сказалъ наконецъ, кто разорилъ семью его сына. Въ мемуарахъ дѣда, къ сожалѣнію, имя этого «могушественнаго человѣка» написано неразборчиво, почему я его и опускаю, но несомнѣнно Сперанскій хорошо зналъ то лицо, про котораго рассказывалъ старикъ, такъ какъ въ тѣхъ же мемуарахъ говорится, что Сперанскій «хорошо его зналъ и не разъ выслушивалъ его доклады по принятію различныхъ мѣръ по искорененію поголовнаго взяточничества и лихоимства».

— Послушайте,—прошепталъ Сперанскій,—я благодарю судьбу, давшую мнѣ возможность исправить нанесенное вамъ зло. Я самъ займусь вашимъ дѣломъ. Сироты и вы не погибнете. Нѣтъ, я не дамъ погибнуть, — волнуясь все болѣе и болѣе, вскричалъ Сперанскій.

— Кто же вы? Вы не тотъ ли храбрый воитель, что посланъ сюда государемъ съ неправдой сражаться? Не о васъ ли говоритъ весь народъ? Дѣти, дѣти!—закричалъ вдругъ старикъ,—дѣти, идите! Падайте ницъ передъ этимъ человѣкомъ, цѣлуйте его руки! Это—онъ, защитникъ нашъ.

Слѣпой упалъ на колѣни и старался поймать руку Сперанскаго, дѣти стояли въ недоумѣніи и смотрѣли на высокаго, блѣднаго человѣка, поднимавшаго съ колѣнъ ихъ дѣдушку.

На Сперанскаго этотъ эпизодъ произвелъ глубокое впечатлѣніе и сильно повліялъ на всю его дѣятельность, какъ «устроителя» Сибири. Его впечатлительный умъ сразу понялъ всю картину тогдашняго строя сибирской жизни и полную необходимость въ скорѣйшей реорганизациі администраціи и суда. Началась усиленная работа, поглощавшая у Сперанскаго не только весь день, — онъ всегда работалъ и не признавалъ отдыха, — въ его худощавомъ, болѣзненномъ тѣлѣ была желѣзная энергія и непреклонная воля.

Слову Сперанскаго вѣрили всѣ, къ нему шли старый и малый, бѣдный и богатый, и всѣ знали, что въ лицѣ его найдутъ справедливость, защиту и помощь. Въ «меморіалахъ» дѣда описанъ приемъ Сперанскаго. Въ залѣ стоятъ люди разныхъ званій, сословій и состояній, и всѣ ждутъ его выхода. Распахиваются двери, въ мундирномъ фракѣ, со звѣздой на груди, въ широкомъ бѣломъ галстухѣ, появляется генералъ-губернаторъ и начинаетъ обходить просителей. Долго и внимательно бесѣдуетъ онъ съ каждымъ, и для всякаго у него находится привѣтливое слово, ободреніе и ласковая улыбка. Но этотъ кроткій, высокогуманный человѣкъ превращался въ суроваго, грознаго, неумолимаго начальника края, когда онъ говорилъ съ казнокрадомъ, угнетателемъ и вообще съ людьми, замаранными и обличенными въ нарушеніи закона и правды.

— Ты позволялъ себѣ забивать людей до смерти, — говорилъ онъ одному изъ сонма сибирскихъ Лоскутовыхъ, — такъ я тебя буду судить, какъ убійцу.

— Ты разорилъ честную семью, нагребилъ взятками состояніе, — сказалъ онъ разорителю слѣпому старика, — такъ я предамъ тебя суду, какъ вора, грабителя, какъ ночного разбойника.

— Что тебѣ нужно, дѣвочка? — спросилъ Сперанскій, обращаясь къ маленькой дѣвочкѣ, стоявшей среди просителей.

— Сирота я. Никого у меня нѣтъ. Меня къ вамъ прислали.

Сперанскій положилъ свою руку на голову дѣвочки, посмотрѣлъ ей въ глаза и позвалъ дежурнаго чиновника.

— Распорядитесь ее накормить, пусть поживетъ у меня; объ ея судьбѣ я позабочусь.

Дѣвочку увели и вскорѣ помѣстили, за личный счетъ Сперанскаго, въ одно благотворительное учрежденіе. Такихъ сиротъ воспитывалось очень много, и въ мемуарахъ дѣда приведены фамиліи нѣкоторыхъ изъ нихъ, при чемъ про нѣсколькихъ буквально сказано такъ: «Оедорова вышла замужъ за кяхтинскаго купца Т. и теперь богачиха. Арсеньева живетъ въ монастырѣ, имѣетъ свою келью».

Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Сибири Сперанскій часто навѣщалъ моего дѣда и просиживалъ у него довольно долго. Въ мемуарахъ, хотя и упоминается объ этихъ визитахъ, но разговоръ

не приводится, и только въ одномъ мѣстѣ записано такъ: «Михаилъ Михайловичъ говорилъ, что онъ покоряется волѣ государя, но что оставляетъ край съ тяжелымъ сердцемъ. Я спросилъ, почему? Онъ отвѣчалъ, что не успѣлъ многое передѣлать, а паче всего судъ, гдѣ темноты осталось много, и не скоро она и исчезнуть можетъ, ибо люди, тамъ засѣдающіе, больше о себѣ заботятся, нежели о другихъ и правдѣ. Очищеніе суда оставляю на долю моего замѣстителя,—пусть онъ докончитъ начатое».

Отъѣздъ Сперанскаго огорчилъ многихъ, видѣвшихъ въ немъ честнаго бойца за правду и законность; зато подняли голову примолкнувшіе было «чиновничьи тати и лиходѣи» — на ихъ улицѣ былъ праздникъ, и преграда ихъ произволу въ лицѣ Сперанскаго исчезла. Дѣдъ пишетъ по этому поводу, «что рано покидаетъ Михаилъ Михайловичъ насъ, опять начнутся разныя пакостныя своеволия, и правду не скоро сыщешь». Прощаясь съ друзьями, Сперанскій крѣпко пожалъ имъ руки и съ нѣкоторыми расцѣловался.

— «Лихомъ не поминайте, простите, если обидѣлъ, — сказалъ онъ, садясь въ экипажъ, и снялъ дорожную шляпу. «Лошади помчали, и скоро нашъ благодѣтель скрылся изъ глазъ»,—заканчиваетъ дѣдъ свою запись объ отъѣздѣ Сперанскаго.

Въ мемуарахъ, но почему-то значительно послѣ этого эпизода, говорится о посѣщеніи имъ Сперанскаго, въ Перми, когда тотъ находился подъ строгимъ и оскорбительнымъ надзоромъ мѣстной администраціи.

«— Скорблю я,—говорилъ Сперанскій,—не о своей судьбѣ, а о людской несправедливости. Меня очернили въ глазахъ обожаемаго монарха, и я страдаю, что навлекъ гнѣвъ на себя того, кому всецѣло отдалъ всего себя. Совѣсть не удручаетъ меня, я спокоенъ, но сердце обливается кровью, когда вспомню свое послѣднее свиданье съ государемъ.

«Въ его глазахъ блеснули слезы, онъ былъ взволнованъ больше, чѣмъ я, и голосъ дрожалъ, когда говорилъ мнѣ, что долженъ разстаться со мною».

Пермская администрація всѣми силами старалась досадить Сперанскому и увеличить его горе,—къ нему съ трудомъ допускались посѣтители, и на нихъ смотрѣли съ недовѣріемъ. Моему дѣду пришлось, какъ онъ пишетъ, сильно «раскошелиться и задобрить койкого», прежде чѣмъ онъ проникъ къ Сперанскому.

«— Едва пропустили,—сказалъ онъ опальному сановнику,—но я не могъ проѣхать мимо того, кто такъ честно служилъ своей родинѣ и не пожалъ ему руки». Сперанскій очень цѣнилъ такое безкорыстное вниманіе и не забылъ дѣда, когда находился уже въ Петербургѣ на верху своей славы. Дѣдъ, бывая въ Петербургѣ по своимъ торговымъ дѣламъ, посѣтилъ Сперанскаго, встрѣтившаго его съ распростертыми объятіями.

— Оставьте титуловать меня, дорогой другъ Петръ Тимофеевичъ, вы для меня не проситель, не чужой человѣкъ, а родной, близкій моей душѣ и сердцу.

Въ мемуарахъ говорится, что Сперанскій выхлопоталъ дѣду орденъ и званіе коммерціи совѣтника и именитаго купца. Дѣдъ встрѣчалъ Сперанскаго и на придворныхъ балахъ, куда дѣдъ удостоивался получать приглашенія.

«Я видѣлъ Михаила Михайловича среди придворныхъ и знатныхъ особъ,—пишетъ дѣдъ,—онъ остался все такимъ же, какимъ я его зналъ и въ Сибири. Привѣтливый, добрый и умный взглядъ, улыбка и отрывистая рѣчь. Я видѣлъ, какъ къ Михаилу Михайловичу обратился государь,—пишетъ дѣдъ,—и Михаилъ Михайловичъ точно просвѣтлѣлъ, государь милостиво бесѣдовалъ съ нимъ, а толпа стояла въ отдаленіи; послѣ этой бесѣды всѣ быстро окружили Михаила Михайловича и ловили каждый его взглядъ, прислушиваясь къ его словамъ; невольно вспомнилось мнѣ то время, когда Сперанскій сидѣлъ въ креслѣ въ маленькой комнаткѣ въ Перми, когда домикъ былъ окруженъ полицейскими солдатами, а квартальный надзиратель, не снимая шляпы, входилъ въ комнату и подозрительно осматривалъ всѣ углы. Я отчетливо помню, какъ Сперанскій при этомъ поблѣднѣлъ, стиснулъ ручки кресла и откинулъ голову назадъ. На мое счастье мнѣ выпало на долю увидать и торжество Сперанскаго, какъ разъ въ то время, когда получился отвѣтъ изъ Петербурга на запросъ: «какъ почитать присланнаго въ Пермь Сперанскаго?» Отвѣтъ гласилъ: «почитать, какъ государственнаго секретаря».

«Вдругъ все измѣнилось,—тотъ же квартальный дежурилъ у подъѣзда и трепеталъ, а всѣ мѣстныя власти были смущены и не знали, какъ и чѣмъ загладить свою непростительную оплошность и дерзость».

О пребываніи Сперанскаго въ Перми дѣдъ записалъ нѣсколько эпизодовъ и между прочимъ одинъ эпизодъ, имѣющій несомнѣнный интересъ, указывающій на доступность и отзывчивость Сперанскаго къ людямъ, къ какимъ бы они классамъ ни принадлежали. Къ сожалѣнію, дѣдъ нигдѣ не указываетъ, отъ кого онъ почерпнулъ эти свѣдѣнія, и кто такъ подробно и обстоятельно передалъ ему нижеслѣдующій разговоръ съ раскольничьимъ начетчикомъ, посланнымъ къ Сперанскому, несомнѣнно, вожаками зауральскаго раскола. Но дѣдъ не сталъ бы заносить въ свои «меморіалы» что нибудь сомнительное или маловѣроятное. Нужно думать, что дѣду рассказывалъ объ этомъ эпизодѣ самъ Сперанскій, но дѣдъ по какимъ-то причинамъ не отмѣтилъ въ своихъ записяхъ объ источникѣ, такъ какъ, насколько мнѣ извѣстно, дѣдъ никогда не предназначалъ эти мемуары къ печати, почему и не особенно заботился объ указаніяхъ на источники.

Вотъ что записано у дѣда.

Пошелъ Михайлъ Михайловичъ прогуляться по берегу Камы и встрѣтился съ нѣкимъ человѣкомъ роста весьма невысокаго, сѣдинами убѣленнаго, въ черномъ духовномъ подрясникѣ, съ котомкою за плечами и съ посохомъ въ рукахъ.

— Кланяюсь тебѣ, правдивый мужъ, и благословляю тебя,—сказалъ маленькій старичекъ Сперанскому, благословляя его двумя перстнымъ крестомъ. Сперанскій снялъ свой картузъ и склонилъ голову.

— Ты страдалъ невинно, и теперь Господь вознаградить тебя сторицей, ибо ты не ропталъ и смиренно волѣ Божьей покорился. Слушай меня, праведный человѣкъ, слушай и внимай, ибо глаголю тебѣ сущую правду.

— Кто же ты?—спросилъ Сперанскій.

— Я,—смиранный служитель Бога, а имени своего не назову, не нужно, ибо имя мое ничтожно. Вотъ садись и слушай, что я тебѣ скажу. Предопредѣлено тебѣ быть вершителемъ судьбы многихъ людей, и ты свой трудъ исполнишь честно. Не гони ты и насъ, старой, истинной вѣры поборниковъ и ея сыновъ вѣрныхъ, не гони и не преслѣдуй. Мы молимся одному Богу и почитаемъ ту же святую, что и ты, но не хотимъ молиться такъ, какъ Никонъ и его приспѣшники указали. За что же насъ истязать, церкви наши разрушать и скиты уничтожать, куда мы отъ соблазна мірскаго уходимъ? И я когда-то въ міру жилъ и всякое мірское плотоугодіе испыталъ, насильничалъ, пакости дѣлалъ и бѣсовъ своими языческими игрищами тѣшилъ. Но Богъ ниспослалъ мнѣ видѣніе и спасъ меня нечестиваго отъ смерти духовно. Явился ко мнѣ во снѣ нѣкій свѣтлый мужъ и приказалъ итти въ церковь. Не послушался я и въ церковь не пошелъ, а всякимъ недостойнымъ дѣломъ занялся. Прошло съ того времени года два, и я забылъ о снѣ. Только сижу я съ присными кромѣшникамъ и бражничаю, какъ вдругъ отворяется дверь, и появляется въ горницѣ страшилище и прямо на меня бросается и подъ себя мнетъ. Ни кричать, ни шевельнуться не могу,—сердце обмерло, и разсудка я лишился. Очнулся я въ незнакомой избѣ и вижу незнакомыхъ людей, которые на колѣняхъ стоятъ и свѣчи держатъ, а кои у моего изголовья стоятъ и псалтырь читаютъ. Поднял я голову и смотрю, а самъ не понимаю, что такое со мной сотворилось. Одинъ изъ людей тогда подошелъ и говорить: «живъ ты, человѣче, а мы тебя хоронить начали». Живъ я, говорю, только пить дайте. Дали кислаго квасу испить и чѣмъ-то съ головой прикрыли, заснулъ я, и долго ли, коротко ли спалъ,—не знаю, а только очутился на своей постелѣ, въ собственномъ домѣ.

— Сонъ такой приснился, или же все наяву было?—спросилъ Сперанскій.

— Не знаю. Понялъ я только, что это свыше такъ сдѣлано со мной, чтобы я грѣховную жизнь бросилъ. И я бросилъ. Скрылся тихонько изъ дому, пошелъ грѣхи замаливать и пришелъ прямо въ скиты таганайскіе и оттуда нарочно сюда пробрался, чтобы тебя повидать, ибо мнѣ это было такъ настоятелемъ благословлено. Богъ и сподобилъ меня свидѣться съ тобой. Да, велика милость Господня и Его святая воля.

— Что же ты хочешь отъ меня?

— Заступы. Притѣсненіе большое намъ оказываютъ и въ полный раззоръ вводятъ.

— Кто же притѣсняетъ васъ?

— Игемоны ваши, чиновники. Нѣтъ отъ нихъ пощады. Заступитесь.

— Не въ моей власти дѣло это. Я ничего подѣлать не могу.

— Можешь. Я тебѣ одну грамотку передамъ. Ты ее прочти и все по ней исполни.

Старичекъ снялъ съ себя котомку и, порывшись въ ней, вынулъ бережно завернутую въ чистый холстъ бумагу, на которой славянскими буквами съ раскрашенными киноварью, золотомъ и синью заставками было написано длинное письмо, обращенное къ государю.

— Вотъ возьми и прочитай, а, когда прочтешь, доставь тому, на чье имя писано. Ну, благослови тебя Господь, прощай. Прими мое грѣшное благословеніе.

Старикъ благословилъ Сперанскаго раскольникимъ крестомъ, поклонился ему въ ноги и, надѣвъ котомку, пошелъ по дорогѣ къ лѣсу.

Въ мемуарахъ не говорится подробно о текстѣ письма, но дѣдъ несомнѣнно его видѣлъ, ибо въ записяхъ говорится: «написано письмо на цѣнной бумагѣ, очень гладкой и узкой, но длинной. Заставки выведены искусно и богато. Украшенія хитро сплетены и очень узорчаты, всюду сіяютъ восьмиконечные кресты и главы, позлащенные густо».

Свиданіе съ раскольникимъ начетчикомъ Сперанскаго сказалося во время его генераль-губернаторства въ Сибири: онъ не преслѣдовалъ ожесточенно раскольниковъ, не уничтожалъ ихъ моленъ и молитвенныхъ домовъ и не допускалъ поборовъ съ «семейскихъ» забайкальскихъ старообрядцевъ. У дѣда имѣются прямые указанія на этотъ счетъ, при чемъ онъ говоритъ, что самъ Сперанскій утверждалъ, что взглянуть глубже на расколъ его подвинулъ «одинъ случай». Дѣдъ видимо не допытывался и не хотѣлъ узнавать о «случаѣ», такъ какъ въ его записяхъ не говорится и не поясняется, что подразумѣвалъ Сперанскій подъ этимъ словомъ—встрѣчу ли съ начетчикомъ, или же что нибудь иное. Немало сдѣлано записей въ мемуарахъ о мнимой измѣнѣ Сперанскаго и слухахъ, ходившихъ въ иркутскомъ обществѣ и предшествовавшихъ появленію его въ качествѣ генераль-губернатора.

«Пріѣзжалъ ко мнѣ Т. (фамилія не названа),—пишетъ дѣдъ,—и подѣ великой тайной сообщилъ, что онъ получилъ изъ Петербурга отъ племянника письмо, въ которомъ тотъ пишетъ, что назначенный сюда генералъ-губернаторъ Сперанскій не очистился еще отъ измѣны, и что здѣсь ему только дадутъ очистительную присягу.

«— Какъ вы думаете, Петръ Тимоѳеевичъ, подѣ колоколами его присягать заставляютъ?

«— Глупое вранье написалъ вашъ племянникъ.

«— Ему вѣрный человѣкъъ сказывалъ. Читайте сами».

Письмо, дѣйствительно, утверждало, что назначеніе Сперанскаго было обусловлено принятіемъ присяги «всенародно» и при полномъ соблюденіи всѣхъ «подобающихъ сему предмету кондицій и обычаевъ». Въ народѣ упорно ходилъ слухъ, что Сперанскій прощенъ въ половину, и что «править онъ будетъ четыре дня въ недѣлю, а три будетъ ходить въ кандалахъ». Утверждали также, что у Сперанскаго на лицѣ поставлены особые знаки «Наполеоновой печатью», и что ходитъ онъ потому въ повязкѣ. Сперанскій нерѣдко проводилъ ночи за работой, почему въ его кабинетѣ свѣтился огонь. Въ народѣ говорили, что де онъ «по-своему» молится Богу и «свою вину искупляетъ». Но рядомъ съ этими вымыслами шли и другіе совершенно противоположныя,—такъ, напримѣръ, увѣрялось, что Сперанскій ходитъ переодѣтымъ по городу и провѣряетъ начальство, и что «многое тайное открылъ и многихъ въ желѣза заковывалъ, паче всего утѣснителей приказныхъ». Интересенъ по своей наивности слѣдующій рассказъ какого-то ссыльно-поселенца, названнаго въ мемуарахъ Иваномъ Морозовымъ.

— Сижу я въ кабацѣ,—говорилъ Морозовъ,—съ товарищами и уже изрядно захмелѣвши. Вдругъ въ кабацѣ приходитъ высокій такой, въ шинели и въ родѣ того, какъ бы приказный. А мы пѣсни горланимъ и худыми словами перекидываемся, въ родѣ того, какъ бы ругаемся, значить. Вотъ высокій приказный къ намъ и подходитъ и явственно говоритъ намъ: «не хорошо». Мы вскинулись на приказнаго и дразнить принялись, крапивнымъ сѣменемъ называемъ и всякія такія слова говоримъ. Ничего приказнаго нейметъ,—стоитъ у стола и только въ упоръ глядитъ. Зло насъ взяло,—что за мороза такая, въ кабацѣ пришелъ, вина не пьетъ и другимъ мѣшаетъ. Мы ему, значить, пригрозили, что и по шеѣ погладить можемъ, а онъ, хоть бы что, стоитъ, шары (глаза) вытаращилъ и молчитъ. Я тогда и говорю ему: «сдѣлай Божескую милость, отойди, не стой тутъ, отойди». А онъ поднялъ руку, погрозилъ мнѣ пальцемъ и сказалъ: «не хорошо, грѣшно, скверно», и былъ таковъ, ровно сквозъ землю провалился. Насъ оторопъ взяла, что, молъ, за притча такая, — былъ здѣсь, и сразу невидимкой сталъ, изъ глазъ пропалъ. Безпремѣнно это «онъ» былъ, «онъ» слово такое знаетъ, что можетъ въ парѣ обращаться. Мы

скорѣе шапки въ охапки, да на утекъ, потому «онъ» худыхъ словъ не любитъ и пьяныхъ не терпитъ.

Иванъ Морозовъ добавилъ, что «непремѣнно это былъ Сперанскій, не кто, какъ онъ; его многіе видали въ кабакахъ, «онъ» съ народомъ, нашимъ братомъ, голытьбой бесѣдуетъ и о нашихъ нуждишкахъ узнаетъ».

Ужъ не какъ слухъ, а какъ фактъ, дѣдъ заноситъ въ «меморіалъ», что къ Сперанскому часто обращались бѣдняки съ просьбою быть у нихъ крестнымъ отцомъ и воспринимать отъ купели дѣтей, и что онъ никогда въ этомъ не отказывалъ. Приходили къ Сперанскому просить помощи всѣ, кто въ ней нуждался, приходили безъ страха и опасенія. Нерѣдко генераль-губернаторъ шелъ за гробомъ бѣдняка, провожалъ на кладбище, гдѣ усердно молился и оставался до послѣдней минуты — засыпки могилы. Дѣдъ пишетъ: «Бду я по Большой и вижу Михаила Михайловича, идетъ за гробомъ, который несутъ мужики. Слѣзъ и я и пошелъ рядомъ съ Михаиломъ Михайловичемъ. Спрашиваю его, почему онъ пошелъ провожать покойника? Зналъ онъ его развѣ? Нѣтъ, говоритъ, не зналъ, но онъ мнѣ братъ по Христу. Прохожіе видѣли насъ, удивлялись и присоединялись. Нашлись и хулители: онъ,—говорили они,—нарочито такъ поступаетъ, ибо славолюбивъ. Какіе неумники,—душа у Михаила Михайловича чистая, понятія высокія, благородныя, и не нужно ему брэнной славы». Кошелекъ Сперанскаго всегда былъ открытъ, и онъ щедро раздавалъ свои деньги. «Я доволенъ, сытъ,—нужно, чтобы и другіе были довольны и сыты»,—отвѣчалъ Сперанскій на упрекъ, сдѣланный ему однимъ изъ близкихъ къ нему людей. Самымъ счастливымъ днемъ Сперанскій считалъ, когда ему удавалось, по званію генераль-губернатора, простить или понизить наказаніе преступнику. «Прощать—высшее благо человѣка, милосердіе—даръ Божій»,—говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ.

Въ записяхъ дѣда рассказано о томъ впечатлѣніи, которое производили на народъ такъ называемыя «торговья казни». Во времена генераль-губернаторства Сперанскаго сибирскіе нравы были значительно грубѣе, чѣмъ теперь, и число преступленій возрастало до огромной цифры, при чемъ попавшій въ руки правосудія преступникъ рѣдко выходилъ изъ суда оправданнымъ, то можно себѣ представить, какое количество торговыхъ казней совершалось на городскихъ площадяхъ. Наказывали розгами, плетью и шпиритенами, при чемъ этотъ родъ наказанія практиковался преимущественно надъ солдатами, хотя не избѣгали этого же наказанія люди другихъ званій и сословій. Били не на животъ, а на смерть, и рѣдко съ «кобылы» или изъ «зеленой улицы» уходили живыми. Сперанскій зналъ растлѣвающее вліяніе публичныхъ казней и желалъ ихъ уничтоженія, но его попытки въ этомъ отношеніи разбивались о петербургскія канцеляріи, гдѣ взглянули на предста-

вленіе Сперанскаго весьма неодобрительно и Сперанскому дали понять, что «ломать строй законовъ возбраняется». Мой дѣдъ указываетъ, что совершенно случайно Сперанскому довелось видѣть торговую казнь, совершенную надъ старикомъ ссыльно-поселенцомъ, воромъ-рецидивистомъ. Сперанскій ѣздилъ по городу и, проѣзжая черезъ площадь, увидалъ толпу. Черезъ нѣсколько секундъ онъ услыхалъ страшный крикъ о помощи. Безотчетно повинувшись чувству состраданія, Сперанскій велѣлъ подъѣхать къ тому мѣсту, откуда раздавались крики. Кучеръ тронулъ лошадей, и коляска подъѣхала къ эшафоту, на которомъ уже дѣйствовалъ палачъ. Сперанскій всталъ въ коляскѣ и закричалъ «стой!». Палачъ остановился, услужливыя власти, узнавъ Сперанскаго, поспѣшили убрать палача и жертву и доложить генералъ-губернатору, что «наказаніе кончено». Сперанскій платкомъ вытеръ потъ со лба, сильно поблѣднѣлъ и приказалъ ѣхать домой, гдѣ немедленно позвалъ правителя канцеляріи и заперся съ нимъ въ кабинетѣ. Результатомъ всего этого явился докладъ Сперанскаго о необходимости уничтоженія торговыхъ казней, но докладъ, какъ уже было упомянуто выше, потерпѣлъ полнѣйшій неуспѣхъ.

«Мнѣ говорилъ Михаилъ Михайловичъ, — пишетъ дѣдъ, — что онъ послалъ докладъ въ Петербургъ объ уничтоженія торговыхъ казней, что онѣ лишь «кровавыя, звѣрскія мысли у людей укрѣпляютъ», что де казни необходимо упразднить.—Развѣ можетъ человѣкъ научиться добру и понять тяжесть преступленія, когда на его глазахъ рвутъ тѣло и наносятъ зіяющія раны, во имя отмщенія?»—прибавляетъ дѣдъ, видимо цитируя слова Сперанскаго. По поводу торговыхъ казней въ «меморіалахъ дѣда» встрѣчаются замѣтки, наводящія на мысль, что даже въ то далекое отъ насъ время уже созрѣвала въ народѣ мысль, что не битье больно, а стыдъ, — мученія переносили стоически, не кричали, когда плети впивались въ тѣло и рвали въ лоскутья кожу, но блѣднѣли и смотрѣли помутнѣвшими глазами на толпу, когда везли на казнь. Одинъ изъ вытерпѣвшихъ наказаніе рассказывалъ дѣду: «когда я муки мученическія претерпѣлъ, когда меня на позорище выставили,—мнѣ не плети были страшны, а было жутко, когда народъ на меня смотрѣлъ», — такъ сказано въ мемуарахъ дѣда, записавшаго подробно разговоръ съ однимъ изъ тѣхъ несчастныхъ, которые испытали на себѣ позоръ эшафота.

Торгово-промышленная жизнь Сибири во времена генералъ-губернаторства Сперанскаго была совершенно ничтожна и заключалась главнымъ образомъ въ кяхтинской чайной торговлѣ. Наши отношенія въ Китаю хотя и были дружественными, но китайцы принимали покровительственный тонъ при сношеніяхъ съ русскими купцами и позволяли себѣ, зачастую, оберегать только свои интересы, не заботясь о справедливости. Маймачинскій дзаргучей, какъ

представитель китайскаго правительства, корчилъ изъ себя чуть не самого богдыхана и требовалъ себѣ отъ русскихъ купцовъ почестей, унизительныхъ для русскаго человѣка. Мой дѣдъ и еще нѣсколько коммерсантовъ энергично протестовали противъ такого порядка вещей и представили Сперанскому по этому поводу объемистую записку. «Михаилъ Михайловичъ мнѣ сказалъ, — пинетъ дѣдъ, — что онъ придаетъ запискѣ большое значеніе и находитъ, что мы слишкомъ много всѣмъ уступаемъ и когда нибудь расплатимся за это ненужное великодушіе». Слова Сперанскаго оказались пророческими, и намъ волей-неволей приходилось еще такъ недавно доказывать Китаю, что наше великодушіе имѣетъ свои предѣлы.

Сперанскій очень заботился о поддержкѣ кяхтинской торговли и выхлопатывалъ разныя льготы тѣмъ фирмамъ, что поставили свое дѣло на прочныя основанія. Дѣдъ имѣлъ съ Сперанскимъ много разговоровъ по этому вопросу, и Сперанскій выражалъ свои взгляды всегда въ одной формѣ: «ведите дѣло честно, продавайте хорошіе товары и не обманывайте китайцевъ при расчетахъ. Пошатнуть дѣло очень легко, утратить довѣріе еще легче, а возстановить то и другое бываетъ часто невозможно». Сперанскій былъ безусловно правъ, совѣтуя вести дѣла съ китайцами честно до щепетильности, такъ какъ китайцы никогда не забываютъ и не прощаютъ обмана, и добиться у нихъ прежнихъ отношеній, если они поколеблены, почти не возможно. У дѣда рассказанъ такой случай: русскій коммерсантъ, — имя его не названо въ мемуарахъ, — вздумалъ надуть китайцевъ и скорѣе разбогатѣть, продавъ имъ синюю бумажную ткань, такъ называемую «дабу», не въ полныхъ кускахъ. Дабу китайцы принимали счетомъ кусковъ, а главное по вѣсу, не подозрѣвая, что на этомъ-то именно и создалъ коммерсантъ свой планъ. Партія по счету и вѣсу оказалась полной и превосходнаго качества, почему китайцы заплатили за нее высокую цѣну. Но прошелъ годъ, сидитъ коммерсантъ передъ своимъ домомъ и пьетъ чай въ обществѣ своихъ сотоварищей. Подходитъ одинъ изъ обманутыхъ китайскихъ купцовъ, хихикнулъ нѣсколько разъ и, проговоривъ: «худой, худой», снялъ самоваръ со стола и унесъ къ себѣ. Это была месть за то, что русскій коммерсантъ обвернулъ дабой не деревянныя дощечки, а желѣзныя пластинки, что повысило вѣсъ дабы и превратило товаръ изъ низкаго сорта въ высшій. Къ чести купеческой кяхтинской колоніи нужно отнести, что она возмутилась поступкомъ коммерсанта и принудила его итти къ китайцамъ «выкупать самоваръ», что тотъ и исполнилъ, отдавъ китайцамъ всю лишнюю сумму, переплаченную покупателями. Самоваръ послѣ пилиgrimства въ Маймачинъ былъ торжественно принесенъ китайцемъ русскому купцу, поставленъ на столъ, при чемъ послѣдовало обильное угощеніе, превратившееся, по обыкновению, въ разгулъ со всѣми его послѣдствіями. Кяхта долгое время

была центромъ русско-китайской торговли, и въ ней совершались крупныя сдѣлки не только на чай, леденецъ и тому подобное, но и на ремень, марену, мануфактурный товаръ. Теперь почти все исчезло, и миллионныя обороты кяхтинскихъ купцовъ быстро спустились, сравнительно, до ничтожной цифры. Мой дѣдъ былъ въ числѣ немногихъ пионеровъ, завязавшихъ большія торговыя сношенія съ Якутской областью. Во времена Сперанскаго этотъ и понынѣ полудикій край еѣ дѣйственными лѣсами, съ неисчерпаемыми ископаемыми богатствами, съ безчисленнымъ количествомъ пушнаго звѣря, представлялъ собою «невѣдомую землю», про которую ходили легендарныя разсказы. Дѣдъ рѣшился попытаться устроить нѣчто въ родѣ факторіи и даже, если возможно, пробраться въ устье великана-рѣки Лены, ниже Медвѣжьихъ острововъ, и снабжать весь край, отъ Качута-Верхоленска до послѣдней пристани на устьѣ, хлѣбомъ, солью, мануфактурой и тому подобнымъ. Попытка дѣда отчасти имѣла успѣхъ, и его баржи плавали далеко за Якутскъ и развозили по всему краю всевозможныя товары и припасы. Но, къ сожалѣнію, предприимчивость дѣда тормозилась и осложнялась разными непредвидѣнными обстоятельствами, а больше всего безконечными, надоедливыми, а подчасъ и тяжелыми придирками и нещадными поборами всевозможныхъ и безчисленныхъ приставовъ, смотрителей и тому подобной мелкой чиновничьей сошки, желавшей повысосать «соки изъ купца». Сперанскій, которому жаловался дѣдъ на разныхъ киренскихъ, верхоленскихъ и якутскихъ властей, посылалъ грозныя предписанія, вытребовалъ взяточниковъ къ себѣ и всѣми силами помогалъ выбраться дѣду изъ опутавшей его паутины, но «мошка одолѣла»,—какъ пишетъ дѣдъ,—и онъ бросилъ большое дѣло, не имѣя возможности его продолжать. «Пишетъ мнѣ Абрамовъ (довѣренный дѣда), что паузки и шитики (баржи и лодки) соляной приставъ задерживаетъ, а у меня подрядъ взять. Говорилъ Михаилу Михайловичу, онъ разсердился и послалъ эстафетой предписаніе. А когда она дойдетъ: Богу извѣстно,—теперь бездорожье, того и гляди, что внизу рѣка встанетъ, тогда все пропало» Якутская торговля, кромѣ сильнѣйшаго безпокойства и раздраженія, ничего не приносила дѣду, но онъ, желая исполнить обѣщаніе, данное Сперанскому, «терпѣть, но дѣла не бросать», посылалъ караванъ за караваномъ. Его даже не смутило, что во время сильнаго шторма одинъ караванъ разбился въ «Щекахъ» (скалистые берега Лены) и множество товара погибло,—дѣдъ, съ чисто съ сибирскимъ упрямствомъ, снаряжалъ баржи и опять отправлялъ ихъ въ далекое и небезопасное плаванье. Сперанскій очень цѣнилъ эту желѣзную настойчивость и нерѣдко высказывалъ дѣду въ самыхъ задушевныхъ выраженіяхъ, что и записано въ мемуарахъ. «Былъ Сперанскій и освѣдомлялся о моей неудачѣ въ «Щекахъ». Очень сожалѣлъ объ убыткахъ и ободрялъ. «Не унывайте, Петръ Тимо-

еевичъ, уповайте на Бога и покоритесь Его волѣ. Одна неудача не должна смущать васъ. Не служить ли она указаньемъ на многіе недочеты въ дѣлѣ, требующіе немедленнаго исправленія? Въ вашихъ стремленіяхъ оживить далекій край я вижу глубокій смыслъ,— работайте же, не покладая рукъ и не опуская головы, страхъ не долженъ поселиться въ васъ. Надѣйтесь на благость Божию и молитесь Ему, чтобы ваши силы окрѣпли. Во мнѣ же вы всегда найдете пособника,—честный трудъ ставлю превыше всего». Эти слова Сперанскаго, записанныя на разныхъ страницахъ дѣдовскихъ мемуаровъ, указываютъ, что Сперанскій ревниво смотрѣлъ на желанія дѣда выйти изъ предѣловъ «кяхтинскаго сидѣнья» и развить торговую жизнь въ другихъ мѣстностяхъ обширной Сибири.

Далекій и мало изслѣдованный Якутскій край служилъ предметомъ заботъ Сперанскаго, прозорливо видѣвшаго въ этой части Сибири скрытый запасъ колоссальныхъ богатствъ. Сперанскій въ бесѣдахъ съ иркутскимъ и кяхтинскимъ купечествомъ,—какъ это занесено въ дѣдовскихъ «меморіалахъ»,—высказывалъ мысль, что «краю еще не скоро суждено занять подобающее ему мѣсто, холодъ и сама рѣка, текущая съ юга на сѣверъ, безлюдье, служатъ главными препятствіями. Но нельзя, грѣшно и преступно опускать руки, нужно всѣми силами стремиться, чтобы заставить край жить и приносить пользу. Я буду счастливъ, если вы поймете мои слова, какъ приглашеніе къ дѣятельности въ этомъ краѣ, и обѣщаю свою поддержку. Работайте же дружно и старайтесь примѣнять свои силы къ полезному дѣлу». Но, увы, слова Сперанскаго въ большинствѣ случаевъ оставались гласомъ воніющаго, тогдашніе капиталисты предпочитали держать деньги за голенищемъ или же заниматься питейнымъ дѣломъ, чѣмъ пускаться въ разныя предпріятія. На призывъ генералъ-губернатора откликнулась небольшая группа лицъ, пожелавшихъ «испытать счастья» не на спаиваніи народа или же на чаяхъ: нашлось всего человѣкъ пять, шесть, начавшихъ оперировать на Ленскомъ бассейнѣ съ хлѣбомъ, солью и московскими товарами. Нужно прибавить, что попытка велась въ очень маленькихъ размѣрахъ и не доразвилась до крупнаго предпріятія. Тѣмъ не менѣе Сперанскій не ошибся, говоря о богатствѣ Якутскаго края, его слова и на этотъ разъ оказались пророческими: въ Олекминской тайгѣ было найдено золото, которое сдѣлало то, что даже Сперанскій съ его обширнымъ кругозоромъ не могъ предполагать, и пустынный и дикій край вдругъ началъ жить и развиваться безъ всякаго воздѣйствія съ чьей либо стороны—золото не замедлило своимъ магнетическимъ блескомъ привлечь въ глухую тайгу, съ непроходимыми топями, дремучими лѣсами, лютыми морозами, тысячи людей, желавшихъ попытать счастья и сдѣлаться богачами.

Сперанскаго давно уже не было въ Сибири, онъ уже сошелъ въ могилу и не видалъ, какъ сталъ просыпаться далекій край, какъ

туда потянулись, точно стаи перелетныхъ птицъ, золотоискатели, какъ начали основываться поселки, и пустынные берега красавицы-рѣки Лены, гдѣ ютились лишь дикіе звѣри, покрылись деревнями и селами, а по широкой рѣкѣ поплыли караваны, барки съ хлѣбомъ, живымъ скотомъ, желѣзомъ, спиртомъ и другими припасами, товарами и всѣмъ необходимымъ для сложнаго пріискового хозяйства. А зимой, по той же рѣкѣ, потянулись длинной вереницей обозы, партіи рабочихъ, всѣ спѣшили на таинственный сѣверъ, гдѣ, по словамъ людской молвы, горами лежитъ золото, гдѣ можно чуть не въ одно мгновеніе сдѣлаться богачемъ. Но оживленіе края было какое-то странное, все и вся существовали только ради золота, скрытаго въ нѣдрахъ земли, внѣ этого не было оживленія, нигдѣ не задымились заводскія трубы, и ничего, кромѣ, сравнительно, ничтожнаго количества соли и пушнины, край не доставлялъ, онъ только поглощалъ и поглощалъ лишь то, что ему привозили, не производя самъ ничего. Не этого ждалъ Сперанскій, его кругозоръ охватывалъ гораздо больше, и онъ хотѣлъ, чтобы Якутскій край сдѣлался производительной страной. «Рыбное богатство, лѣсное, ископаемое—вотъ что создастъ Якутскому краю благосостояніе»,—значится въ мемуарахъ дѣда, гдѣ онъ говоритъ о своихъ попыткахъ работать въ Якутской области. «Михайлъ Михайловичъ того мнѣнія, что Якутскій край—полная чаша, только нужно умѣть изъ нея черпать, но онъ слишкомъ уже впередъ смотреть, нѣтъ въ Сибири жителей, кто же будетъ покупать, а въ Москву не повезешь, тамъ и своего добра дѣвать некуда. А что край богатѣйшій—въ томъ спору нѣтъ, и всякаго вниманія онъ достоинъ. Михайлъ Михайловичъ очень имъ озабоченъ и что-то придумываетъ для его блага. Это хорошо, можетъ быть, и мы еще, не только наши потомки, плоды отъ трудовъ Михаила Михайловича и его заботъ вкусимъ».

Внимательно перечитывая «Записки» дѣда, иногда очень лаконичныя, а зачастую полныя интереснѣйшихъ подробностей, можно себѣ совершенно ясно представить безотраднѣйшую картину самоуправства и произвола, царившихъ по всей Сибири, во всѣхъ ея областяхъ и губерніяхъ. Такія личности, какъ Трескинъ, Пестель, Лоскутовъ, творили все, что хотѣли, не боясь никого и ничего. Сперанскій явился въ Сибирь, превосходно освѣдомленный о всемъ и уже заранѣе готовый вступить въ борьбу съ темными силами, завладѣвшими краемъ, благодаря печально сложившимся различнымъ обстоятельствамъ. Насколько было велико самовластіе сибирской администраціи, видно, напримѣръ, изъ дѣла «о выселеніи иркутскаго городского головы Михаила Сибирякова за явное властямъ неповиновеніе». Почетнѣйшаго человѣка, крупнаго капиталиста, избранника города, Трескинъ, иркутскій губернаторъ, выслалъ въ Баргузинъ, глухой городишко, затерявшійся въ забай-

кальской тайгѣ, гдѣ Сибиряковъ и умеръ. Дѣдъ пишетъ по этому поводу: «Трескинъ настоялъ на своемъ, и Сибирякова увезли, а намъ всѣмъ пригрозилъ и сказалъ, что хуже еще сдѣлаетъ, сгноить въ острогѣ». Другого почтеннаго человѣка, тоже именитаго купца, Николая Мыльниковъ, Трескинъ выслалъ въ Нерчинскъ, гдѣ Мыльниковъ и томился до пріѣзда въ Сибирь Сперанскаго, приказавшаго немедленно освободить «невинно заключеннаго». У дѣда въ мемуарахъ сказано объ этомъ инцидентѣ, что «Михаилъ Михайловичъ, какъ только узналъ, такъ и распорядился освободить Николая Мыльниковъ. Я ѣздилъ къ Михаилу Михайловичу и много рассказывалъ о Мыльниковѣ, все, что на днѣ сердца лежитъ, все безъ малѣйшей утайки сказалъ, какъ мы всѣ противъ Сперанскаго сперва ратовали, а потомъ и противъ Лецано, и своего добились, какъ въ Петербургѣ ѣздили и правды добивались».

Сперанскій любилъ записывать на память многіе рассказы и сообщенія, слышанные имъ отъ разныхъ лицъ; нѣкоторыя записочки М. М. Сперанскаго долго, какъ святыня, хранились въ семьѣ иркутскаго купца Т—ва, но, къ несчастію, сдѣлались жертвою пожара. Мой дѣдъ видалъ такія записочки, и Сперанскій давалъ ему ихъ прочитывать, при чемъ всегда прибавлялъ: «Запишу—не забуду, если даже записка и затеряется». У дѣда вскользь упоминается въ мемуарахъ, что онъ читалъ «памятки» Михаила Михайловича, куда все заносилъ, «что за день достойнаго случится, и что необходимо въ памяти удержать. Мой разговоръ о продовольственныхъ магазинахъ по Якутскому краю и о заботѣ нашей о хлѣбѣ тунгусамъ и ороchonамъ тоже записанъ».

Дѣдъ въ своихъ мемуарахъ характеризуетъ Сперанскаго, не только какъ добраго, отзывчиваго человѣка, но прямо называетъ его гешіальнымъ и преклоняется передъ его именемъ. Въ «Запискахъ» дѣда имѣются нѣсколько страницъ, гдѣ обликъ Сперанскаго выступаетъ чрезвычайно рельефно и невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе. «Что бы съ нами было, если бы сюда не назначили Михаила Михайловича, кости бы наши были разметаны, и не осталось бы отъ насъ даже и памяти. Благородный, возвышенный, простому смертному необъятный, прибылъ ты въ печальную, измученную Сибирь, и сразу просвѣтлѣло и тихимъ, теплымъ вѣтромъ повѣяло, точно ангелъ слетѣлъ съ неба и крыломъ своимъ въ движеніе привелъ воздухъ. Освободилъ ты изъ остроговъ невинныхъ страдальцевъ, отеръ слезы обиженныхъ, облегчилъ муки наши, и мы идемъ къ тебѣ съ полной вѣрой и надеждой на защиту, правду и милость». Въ другихъ мѣстахъ мемуаровъ говорится еще болѣе въ приподнятомъ тонѣ. «Годы пройдутъ, люди людей смѣнятъ, а память о великомъ человѣкѣ-народолюбцѣ никогда не исчезнетъ. И государь, въ заботахъ своихъ о его вѣрно-подданныхъ, послалъ къ намъ Михаила Михайловича для искоре-

ненія зла и неправды. И не было лучше у него слуги, вѣрнаго, безкорыстнаго и преданнаго. Сіяющій свѣтъ добра разлилъ напѣ заступникъ, и мы духомъ воспряли и сердцемъ умилились».

Въ видѣ сравненія Сперанскаго съ прежними дѣятелями въ Сибири, дѣдъ говоритъ много о знаменитомъ слѣдователѣ Крыловѣ, зломъ гениі, посланномъ въ Иркутскъ еще въ 1750 году. Конечно, дѣдъ говоритъ со словъ другихъ лицъ, главнымъ образомъ, потомковъ замученныхъ этимъ звѣремъ и приводитъ примѣры ужасающей жестокости. Въ особенности страшны были пытки нѣкоего Бичевина, богатаго и честнаго купца, истерзаннаго на дыбѣ. До сихъ поръ среди иркутянъ еще живы преданія объ этой вопіющей казни, и потомки Бичевина не перестаютъ молиться въ построенной ими «на костяхъ» церкви. А такихъ Бичевиныхъ было много, и даже позднѣйшіе сибирскіе администраторы въ родѣ Пестеля, Трескина не переставали страшно злоупотреблять своею властью. Весь періодъ до Сперанскаго, періодъ управленія Сибирью и разоренія этой страны всевластнымъ Пестелемъ и его сподвижниками, очень подробно занесенъ въ мемуары дѣда, но, желая выдѣлить только личность Сперанскаго, приходится умолчать на этотъ разъ объ этой интересной эпохѣ въ исторической жизни Сибири. Чтобы использовать весь матеріалъ о Сперанскомъ, заключающійся въ запискахъ моего дѣда, необходимо упомянуть еще о нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ, записанныхъ дѣдомъ, хотя и касающихся Сперанскаго, но преимущественно съ легендарной стороны. Къ числу такихъ замѣтокъ слѣдуетъ отнести рассказъ близкаго пріятеля дѣда, купца Т—ва, о «видѣніи», якобы представившемся Сперанскому. Дѣдъ пишетъ такъ: «Приходилъ Т—въ и рассказывалъ о видѣніи, кое Михаилу Михайловичу представилось. Константину Петровичу нельзя не вѣрить, ибо онъ человѣкъ правдивый и уста свои ложью никогда не осквернялъ и не осквернить,—ему я вѣру даю полную и сомнѣнія къ нему не питаю. Вотъ и въ семъ важномъ рассказѣ Константинъ Петровичъ прежде всего мнѣ сказалъ, что всю исторію онъ отъ постороннихъ лицъ слышалъ, и только чужія слова передаю, а не свои. Спрашивалъ я Михаила Михайловича,—онъ рукой глаза прикрылъ, тяжело, очень тяжело вздохнулъ, но въ отвѣтъ мнѣ ни слова не промолвилъ. Не посмѣлъ болѣе утруждать сими любопытственными вопросами, ибо оныя видимо ему тягостны, а можетъ быть, и того болѣе. Къ чему же я бы его душу смущать сталъ? Но лицо Михаила Михайловича яснѣе словъ говорило, что произошли событія важности необычайной, скрытыя подъ непроницаемой завѣсой невѣдомаго. Помолчавши немного, Михаилъ Михайловичъ отнялъ руки отъ лица и возвелъ глаза къ небу, и я видѣлъ, какъ по его лицу слезы покатались. Поднялся онъ съ кресла и простился со мной молча, чего прежде никогда не дѣлывалъ. Я очень смутился и даже огорчился, ибо полагалъ себя ви-

новнымъ въ огорченіи дорогого мнѣ Михаила Михайловича, и послалъ къ нему въ такомъ родѣ письмо. Отвѣтъ гласилъ, чтобы я не беспокоился, и ничѣмъ де я его не обидѣлъ и не потревожилъ. Все-таки чувствую въ душѣ смущеніе и нѣкоторую тягость. Т—въ меня успокоивалъ и совѣтовалъ не тревожиться, ибо сія исторія хотя и очень многозначительна, но возможна, и въ правдивости ея сомнѣваться трудно. Я попросилъ еще разъ мнѣ ее повторить, чтобы записать тщательно и безъ пропусковъ и невольныхъ добавленій». Разсказъ Т—ва заключается въ слѣдующемъ. Сперанскій получилъ какія-то бумаги изъ Петербурга и долго сидѣлъ, разбирая ихъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. Была уже ночь, на письменномъ столѣ горѣли свѣчи. Сперанскій углубился въ чтеніе бумагъ и писалъ на ихъ поляхъ замѣтки. Вдругъ свѣчи разомъ потухли, и въ комнатѣ на мгновеніе сдѣлалось темно, но вскорѣ кабинетъ озарился необыкновеннымъ свѣтомъ, и послышались чьи-то шаги. Пораженный наступившей внезапно темнотою, Сперанскій привсталъ съ кресла и хотѣлъ крикнуть, чтобы принесли огня, но голосъ его оборвался, и онъ снова опустился въ кресло. Въ это время къ столу тихо подошелъ старикъ въ платьѣ монашескаго покроя и отчетливо, ясно проговорилъ: «Посмотри на меня, узнаешь?» Невольно Сперанскій поднялъ глаза и увидалъ, что старикъ протягиваетъ ему свою руку. Оправившись отъ изумленія и испуга, Сперанскій спросилъ старика: «кто ты?» и старикъ тѣмъ же голосомъ отвѣчалъ: «я государь твой». Сперанскій откинулся на спинку кресла и уже пристально, прямо въ глаза старику, въ упоръ посмотрѣлъ на него и увидалъ хорошо ему знакомое лицо императора Александра Павловича, но обрамленное лишь длинной, сѣдой бородой. Видѣніе скрылось. Снова сами собой зажглись свѣчи, и Сперанскій, тяжело дыша, вышелъ изъ кабинета и, какъ увѣряетъ Т—въ, разсказалъ своимъ близкимъ о видѣніи, со словъ которыхъ Т—въ и передалъ дѣлу то, что записано имъ въ мемуарахъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что достовѣрность этого разсказа почти не подлежитъ сомнѣнію, почему я и счелъ возможнымъ воспользоваться этимъ интереснымъ эпизодомъ, нигдѣ до сихъ поръ не появлявшимся въ печатныхъ матеріалахъ о Сперанскомъ.

Просматривая внимательно «Записки» дѣда, я нашелъ въ разныхъ мѣстахъ немало помѣтокъ, такъ или иначе касающихся личности Сперанскаго, но, свѣряя ихъ съ печатными источниками, какъ, на примѣръ, съ сочиненіемъ В. И. Вагина и книгой барона Корфа, я нашелъ въ мемуарахъ дѣда лишь подтвержденіе того, что сказано въ этихъ книгахъ, почему и не привожу ихъ. Но, тѣмъ не менѣе, у дѣда записаны нѣкоторыя подробности, которыхъ нѣтъ въ названныхъ печатныхъ источникахъ. Къ числу такихъ «подробностей» я отношу разсказы Сперанскаго о своей дочери, которую, какъ извѣстно, онъ

любилъ очень нѣжною любовью и не переставалъ дѣлиться съ нею тѣми впечатлѣніями, которыя онъ имѣлъ во время своего пребыванія въ Сибири.

«Вся жизнь моя въ ней,—говорилъ Сперанскій, когда его спрашивали о здоровьи Елизаветы Михайловны.—Мои мысли всегда съ ней, и я лишь тогда спокоенъ, когда получаю отъ нея письмо. Въ самыя трудныя минуты, когда я начинаю колебаться, она поддерживаетъ мой смутившійся разумъ и вселяетъ во мнѣ твердость и увѣренность въ себѣ. Я очень полюбилъ Сибирь и покидаю ее съ тяжелымъ чувствомъ, но видѣть мою Лизу, приласкать ее, составляетъ потребность моей души. Каждое ея письмо дышитъ любовью, и я читаю ихъ съ глазами, полными слезъ. Я не стыжусь этихъ слезъ,—это слезы радостной любви, оживляющей меня и дающей мнѣ силы выполнить то, что поручено мнѣ государемъ. Я не скрою, что часто изнемогалъ въ борьбѣ, малодушно падалъ духомъ, и каждый разъ въ такихъ случаяхъ вынималъ письма Лизы и перечитывалъ ихъ, находя при ихъ чтеніи снова бодрость и силы на борьбу съ тѣмъ, что составляетъ мою задачу и намѣренія». Въ книгѣ Вагина «Жизнь и дѣятельность Сперанскаго въ Сибири» приведены письма Сперанскаго къ его дочери: читая ихъ, можно повѣрить тому, что записано въ мемуарахъ дѣда, и что рассказываютъ современники Сперанскаго объ его отношеніяхъ къ дочери. Дѣдъ много разъ заноситъ въ мемуары свои разговоры съ Сперанскимъ объ его дочери и каждый разъ отмѣчаетъ, что «онъ умиляется при рассказахъ», и слышалъ ихъ «неоднократно». Невыразимо тяжелое впечатлѣніе произвела на друзей Сперанскаго вѣсть о его смерти. «Весь городъ,—пишетъ дѣдъ,—погрузился въ печаль; мы точно всѣ растерялись и не хотѣли вѣрить,—намъ все казалось, что нашъ заступникъ и радѣтель не умеръ и по прежнему заботится о насъ. Даже враги его и тѣ поняли, кого потеряла Россія въ лицѣ такого государственнаго мужа,—они должны были признать, что Сперанскій былъ одаренъ гениемъ, и что они боролись съ нимъ, не сознавая его величія. Мое же личное горе не поддается описанію,—я цѣлыми днями брожу по комнатамъ и не сознаю своего существованія. Богъ не привелъ пролить слезу на его могилѣ, но, пока я живъ, память объ этомъ человѣкѣ никогда не изгладится изъ души моей. Въ немъ я потерялъ друга—благодѣтеля, нелицепріятнаго борца за правду, неустрашимого воина съ темными силами, покровителя сирыхъ и убогихъ. Взошелъ онъ, какъ свѣтило, озарилъ насъ своимъ свѣтомъ и опять скрылся. Молитвы спасенныхъ имъ измученныхъ людей, радостныя слезы сиротъ, которымъ онъ замѣнялъ отца,—вотъ его награда. А моя родина, для которой онъ работалъ, не щадя своихъ силъ, она, отъ мала до велика, вознесетъ мольбы къ Творцу объ успокоеніи души того, кто жилъ ея жизнью, скорбѣлъ ея горемъ и радовался ея

радостями. Миръ и покой душѣ твоей, великій и милостивый человекъ, да будетъ тебѣ земля легкимъ покровомъ».

На этомъ я кончаю выписки изъ мемуаровъ дѣда, которые я позволилъ себѣ изложить въ пересказѣ, не прибавляя и не искажая фактической стороны. Сперанскій до сихъ поръ, къ сожалѣнію, еще не достаточно обрисованъ, какъ общественный дѣятель, почему смѣю думать, что мои выписки изъ мемуаровъ дѣда послужатъ нѣкоторую службу и дадутъ возможность судить о Сперанскомъ, не только какъ о государственномъ дѣятелѣ, но и какъ о высокогуманномъ человекѣ. Съ этой стороны, къ сожалѣнію, Сперанскій не почтенъ, какъ слѣдуетъ, и даже въ печатныхъ изслѣдованіяхъ о немъ встрѣчается мало сообщеній о его характерѣ и образѣ жизни. Между тѣмъ именно съ этой-то стороны личность Сперанскаго весьма интересна, и всякая замѣтка не должна проходить безслѣдно для историка Сибири, гдѣ Сперанскому пришлось не разъ показывать положительныя стороны характера и проявлять высокій гуманизмъ. «Нигдѣ такъ не нуждаются въ милосердіи, какъ тамъ, гдѣ страдаютъ и терпятъ мученія. Не кара, не жестокость смягчаютъ душу человека, а только любовь, ласка и уваженіе». Вотъ формула, которой руководствовался Сперанскій, по словамъ дѣда, занесшаго эти изреченія въ мемуары, и которыя слѣдовало бы вырѣзать на памятникѣ Сперанскому, «обновителю» Сибири.

П. П. Баснинъ.

